

Александр Спиридонов

*Берлога для
Уммки*

Народный роман-игра «Золотой Уммка»

Александр Спиридонов
Берлога для Уммки. Народный
роман-игра «Золотой Уммка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22573669

ISBN 9785448362972

Аннотация

Продолжение Тропы Алекса Спиро – персонажа народного романа-игры «Золотой Уммка». Полностью с проектом можно ознакомиться на сайте <http://alexspiro6633.wixsite.com/goldenummka>

Содержание

Тропа Алекса	6
Берлога для Уммки	7
1	7
2	13
3	18
4	22
5	28
6	32
7	36
8	42
9	46
10	50
11	53
12	57
13	63
14	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Берлога для Уммки Народный роман- игра «Золотой Уммка»

Александр Спиридонов

Иллюстратор Юрий Валентинович Демушкин

Иллюстратор Виктор Николаевич Гоппе

Иллюстратор Александр Валентинович Толока

Иллюстратор Михаил Петрович Сотников

Иллюстратор Ольга Сокова

Иллюстратор Александр Сергеевич Спиридонов

Корректор Людмила Точилина

Корректор Наталья Захаровская

© Александр Спиридонов, 2017

© Юрий Валентинович Демушкин, иллюстрации, 2017

© Виктор Николаевич Гоппе, иллюстрации, 2017

© Александр Валентинович Толока, иллюстрации, 2017

© Михаил Петрович Сотников, иллюстрации, 2017

© Ольга Сокова, иллюстрации, 2017

© Александр Сергеевич Спиридонов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6297-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тропа Алекса

Часть вторая

Берлога для Уммки

«Что такое осень?..»

Группа «DDT».

1

В столицу Гроссии Мозгву ежедневно прибывает 400 авиалайнеров со всех концов планеты. Один из них, «ХИЛ-62» авиакомпании «ЧумАвиа», преодолев расстояние в десять тысяч киломилль вдоль северного побережья, приземлился в аэропорту Даймондед. Когда двигатели заглохли и пассажиры стали готовиться к выходу, Алекс мысленно поблагодарил Всевышнего за то, что все обошлось: «Все-таки не зря свечку поставил, все могло кончиться гораздо хуже».

Еще в Ханадыре начались неприятности. Из-за разыгравшегося циклона рейс был отложен на сутки. Помогая директрисе разгрузить из машины связки брошюр, Алекс умудрился разодрать палец об острый выступ. В знакомом уже медпункте потерпевшему оказали помощь, и он ходил по полутемным коридорам, время от времени посматривая на наклеенный пластырь. Сидение в зале аэропорта, изредка прерываемое вылазками (с чисто познавательными целями)

в буфет, видеосалон, коммерческие лавки, убедило Алекса в том, что уровень на ханадырском авиааэродроме медленно, но верно повышался и почти достиг приемлемых параметров. Даже туалет, прежде размещавшийся снаружи, находился на положенном ему месте. Покемарив ночь, Спиро еще полдня прослонулся по вестибюлям аэропорта, изредка доставая свой альбом. Мыслями находясь уже в столице, Алекс прикидывал, что его ждет в конце пути. «Проклятый оракул, что он имел в виду? Неужели весь труд с „Умкой“ пойдет прахом?».

Наконец объявили посадку. Простояв на ветру у трапа минут двадцать – запоздал заправщик, и топливо качали в нарушение всех инструкций рядом с толпой пассажиров, – Спиро поднялся в салон и хмыкнул: внутренняя поверхность была словно засиженной мухами. Внимательно приглядевшись, увидел, что это такое своеобразное напыление краски. Старенькая обшивка кресла впереди была с двумя прорехами. «Ну и рухлядь, долетит ли до Мозгвы эта лайба? Никакого комфорта, ноги девать некуда. А за билет однокомнатную квартиру можно в Ханадыре купить, дерут семь шкур с трудящихся!». Впереди сидели две мулатки в накидках из взъерошенных перьев попугая. Видно, такая теперь была птичья мода. Когда завывали поочередно все двигатели, в унисон с ними, и даже перекрывая, заревел младенец впереди сидящей семейной пары.

Взлетели без приключений. Под крылом поплыла тунд-

ра, сверкнула на солнце широченная лента таинственной реки Дыр, и все тут же заволокло облачностью. От нечего делать Алекс достал торчащий из кармашка кресла листочек бумаги. Это была инструкция действий в аварийной ситуации. «Маловероятно, что имеющееся на самолете аварийное спасательное оборудование Вам понадобится, но нормы международного авиационного права требуют этого». Алекс саркастически хмыкнул: «Неплохое начало. Действительно, если брякнемся, то тут уже ничего не понадобится». Далее описывались и вовсе странные действия. «Выход по правилу: сначала ноги, потом голова. Женщинам снять обувь на высоком каблуке и синтетические чулки». Спиро представил, как салон попавшего в аварию самолета покидают нижние конечности, потом головы, а за ними другие части тела. Представительницы слабого пола напоследок устраивают легкий стриптиз со сниманием синтетических чулок и прочих предметов туалета.

Немного развеселившись, Алекс решил не терять время даром и попытаться записать свои впечатления. Лететь предстояло девять часов. Он вооружился блокнотом и ручкой.

«24.02.99. 16 часов 20 мин. Борт «ХИЛ-62». Таинственная занавеска. Стюарды и стюардессы старательно занавешивают вход, чтобы и щелки не осталось. Занавеска, резко отдернутая, как на арене цирка. Стюард – белая рубашка с коротким рукавом, жилетка, бабочка. Впереди тележка с напитками.

Даже вино есть! Впереди сцепились двое: судя по выправке, военный, с бритой головой, испепеляющий взгляд. «Я смогу поставить тебя на место! С полковником дело имеешь! Щегол!».

Последняя запись была сделана через восемь с половиной часов.

«Какая-то делегация. Ученые? Один из них, с лицом олигофрена, напился до того, что его гоняли стюарды. Жалуется: „В ментовку хотят сдать“. Летим на высоте десять с половиной километров, скорость 950 килом в час, за бортом минус 60 градусов. Первый раз покормили над Хатангой, второй за 15 минут до Уоллогды».

– Речь готовите?

Оторвавшись от своего блокнота, Алекс увидел повернувшуюся к нему фрау Лец, с любопытством рассматривающую его каракули.

– Ага, – кивнул Спирос, – тронную.

В это время по проходу вновь двинулись стюарды с тележками: разносили чай. Не успели они дойти до середины салона, как корпус лайнера вздрогнул, потом еще раз, словно провалившись в пустоту. Под ложечкой у Алекса неприятно заныло. «Ну вот, еще этого не хватало!». Из динамиков раздался голос стюардессы, призвавшей пассажиров не беспокоиться и пристегнуть ремни. Стюарды покатали свои тележки назад. «Какие еще такие турбулентные потоки?» – за-

ворочался Спиро в кресле, пытаясь отыскать завалившиеся куда-то концы ремня.

Самолет трясло, как на стиральной доске. Приподняв козырек стеклофильтра, Алекс глянул в иллюминатор и обомлел. Сколько хватало взгляда, все было в грозowych тучах – циклопических уступах небесных хребтов и отрогов. Серое переходило в угольно-черное. Молнии полосовали пространство вдоль и поперек и почему-то горизонтально. Впечатление было такое, что самолет летит прямо в пасть дьяволу. Спиро вцепился в подлокотники кресла и закрыл глаза. «Великий Умка, помоги добраться нам всем целыми и невредимыми!».

Болтанка продолжалась еще минут пять и вскоре прекратилась. Позже пилоты экипажа, вспоминая этот рейс, как на духу клялись, что были свидетелями непонятого явления: словно гигантская фреза ввинтилась в толщу грозовой облачности и образовала тоннель прямо по курсу летящего «ХИЛа». Это и спасло воздушный корабль от чудовищных жерновов того исключительной силы урагана, который прошел гигантской метлой по Среднегроссийской возвышенности, войдя в историю как самый разрушительный за последние пятьдесят лет. Но никто из них не видел, как над лайнером, на высоте двадцати киломилей, параллельно двигался странный объект, охваченный радужным сиянием, невидимый для радаров служб ПВО. До Мозгвы оставалось десять минут полета.

В тот же день в далеком Гномконге разбился «Убоинг-747», унеся жизни пятидесяти пассажиров.

2

Ветер перекачивался по взлетной полосе, по площади перед аэровокзалом, неся запахи свежей листвы, парного асфальта и еще чего-то, что невозможно было уловить. Он был совсем другим, этот воздух, отличным от почти стерильного, без запахов, воздуха Чумландии. Спускаясь по трапу, Алекс вдыхал его всей грудью. «Черемуха? Нет, не черемуха... Вот я и в Мозгве. Что и говорить, встреча неласковая. Словно предупреждение какое-то. Поневоле мистиком станешь».

Над всем пространством клубились грозовые тучи. Небесный художник забросил лазурь и белила и взялся за черную тушь. На юго-западе зияла изрядная брешь и в нее вливался алый закат. Почти неослепляющий диск Солнца освещал поле битвы: валялись зонтики торговых палаток, листы фанеры и пластика, какие-то растерзанные коробки.

– Вы готовы? – голос директрисы заставил Спиро взвалить на плечо свою торбу и вещмешок. Большинство пассажиров, сбросив легкие плащи и куртки, гуськом потянулись к автобусу. «И это февраль, подумать только! Плюс двадцать пять. А в Ханадыре всего пятнадцать. Придется переходить на летнюю форму одежды».

Гардероб Алекса был предельно прост, если не сказать больше. Глядя на него, можно было решить, что это либо турист-одиночка, либо бродячий художник, любитель забрать-

ся в какую-нибудь глухомань подальше от цивилизации. Рядом с директором в элегантном костюме и с фирменным саквояжем он выглядел каким-то шерпом, помогающим богатой туристке в ее турне по экзотическим местам. Отчасти так оно и было, потому что, несмотря на попытки отговорить директрису, та загрузила Алекса брошюрами о Дворце. Предполагалось, что они будут продаваться на выставке, в чем Спиро с самого начала сильно сомневался.

Запомнился въезд в город. Трасса изобиловала рекламными щитами: носорог, мирно пасущийся на фоне надписи «Мы преодолеем все!», проникновенный лозунг «Гроссии никто не поможет, кроме нас самих», «Фильм года «Сербургский цирюльник». От них рябило в глазах. Дизайн и качество исполнения удивляли, это был жиропейский уровень. Алекс вспомнил свои немногочисленные посещения Мозгвы, когда на каждом шагу торчали партийные агитки, призывающие ответить ударным трудом на решения очередного схода колунистической партии. Когда начались городские постройки, с правой стороны трассы мелькнула вывеска «Соверхоз имени Линча». Все чаще стали попадаться последствия урагана, обрушившегося на столицу. Приходилось ждать, пока специальные бригады рабочих растащат завалы из деревьев, объезжать поверженные рекламные щиты. Однажды попался легковой автомобиль, придавленный рухнувшим тополем. Сновали машины «скорой помощи», на перекрестках посверкивали мигалки полицейских машин.

Нырнув в колодец метро, Алекс старался не отстать от фрау Лец, которая неплохо ориентировалась в столице. Голова шла кругом от потока людей, огней рекламы, каких-то музыкантов в переходах, продавцов газет и носков, просящих подаяние нищих, гула и дикого скрежета несущегося в тартарары поезда. Люди выходили, входили, на передней площадке появилась женщина с собакой – Алекс в жизни такого пса не видел. Он был огромный, с шарообразной головой, очень некрасивый, в его светло-карих спокойных глазах отражались уносящиеся назад микроскопические гирлянды огней. РАМБРЕНТ, РАМБРЕНТ. Замелькали синеватые и белесые светящиеся трубки, лестницы, отливающие кристаллическим блеском, черные фонтаны, постепенно блеск застывал, камня, вагон остановился.

Уже подступали сумерки, и долгожданное здание гостиницы, выросшей перед их глазами, сочилось теплым светом бесчисленных окон. У главного и боковых подъездов роились и гудели толпы людей. Пройдя мимо дюжих молодцов с болтающимися пластиковыми карточками на двубортных пиджаках, новоприбывшие направились к стойке регистрации. В огромном фойе сновали туристы, делегации и делегации, шел очередной конгресс гроссийских землемеров. После непродолжительного выяснения кто они и зачем, звонков по телефону, заполнения необходимых бланков, им выдали по пакету документов участников конференции и указали этаж и номера комнат. Внимательно изучив программу

конференции, фрау Лец с досадой воскликнула:

– Какая жалость, мы опоздали на открытие! Каких-то два часа...

– А что там?

– Фуршет. Этого себе я не могу простить!

В отличие от своего шефа, Спиро был даже рад случившемуся, так как не переносил всякого рода торжественные церемонии, и ограничился пожатием плеч:

– Подумаешь...

На девятом этаже они получили от администратора по ключу и двинулись бесконечным коридором, ковровая дорожка которого терялась в перспективе. Не чуя ног, Алекс добрался до своей двери.

«Наконец-то, аж не верится, что все позади... Впрочем, это только начало». Разоблачившись и наскоро ополоснувшись в ванной с обилием зеркал и полотенец разных сортов, Спиро с наслаждением растянулся на одной из кроватей. Номер был двухместный, но, кроме Алекса, в нем никого не было. «И вряд ли кого поселят еще, конференция началась сегодня утром, заезд участников был двумя днями раньше. Все, стало быть, уже расселены, и я тут как кум королю. Не кисло. Впрочем, номер невысокого класса, да и сама гостиница тоже. Железобетонная коробка эпохи развитого сусализма. Не выветрился его дух и, видно, это навсегда».

Телевизор, стоявший на полированной тумбочке, вызвал у Алекса улыбку: дистанционное управление было провод-

ным и от пенальчика тянулся витой шнур. «Чтобы не украли, наверное». Нажав кнопку, Спиро наткнулся на информационную программу «Время», ведущую прямой репортаж из районов, наиболее пострадавших от урагана. Потом перешли к новостям международным, и главная среди них была тревожной – начались бомбардировки Югославии.

3

С утра пораньше Алекс, немного размявшись гимнастическими упражнениями, решил окатиться холодной водой. Увы, ванная комната была предназначена только для принятия ванн. Штырь, торчавший из стены находился слишком высоко и металлическая гофрированная кишка до него не доставала. «Эх, жаль ведра нет», – подумал Спиро и решил попросить его у дежурной по этажу.

Женщина за стойкой оторвалась от экрана компьютера и, улыбаясь, повернула к нему голову.

– У вас ведро есть?

Улыбка стала сползать с ее лица, брови полезли вверх.

– Простите?

– Ну, ведро, обыкновенное, полутюленевое...

– Нет вообще...

«Что это за гостиница, если даже ведра нет», – недовольно ворча про себя, Алекс вернулся к себе в номер и, кое-как приладив шланг, совершил обряд омовения по Джону Порфу. Вода была довольно холодной. Фыркающая и разбрызгивающая струи, Спиро, сколько хватило терпения, стоял под душем. Растираясь большим махровым полотенцем с клеймом гостиницы, он вспомнил, как совсем недавно в Эгвекитауне принимал водные процедуры в горной речушке. Ручей Следопытов, питаюсь водой с ледников, был словно предназна-

чен для последователей гроссийской йоги.

Выбрав местечко поукромней, среди гигантских валунов и кустов полярной ивы, раздевшись догола, Алекс погрузился в, как ему показалось сначала, кипяток. Секунд тридцать ему хватило, чтобы понять: еще немного, и он просто не выберется на берег – так свело руки и ноги. Вылетев на галечный берег, он встал на нагретый утренними лучами солнца камень и, запрокинув голову в небо, засмеялся от необыкновенного чувства радости. Так и осталось в памяти – отрез синего неба между угрюмых сопок с зелеными заплатами мха, травы и редким кустарником, скачущий по камням ручей и легкий ветерок, слизывающий с покрасневшей кожи капли воды. «По сравнению с той водичкой это просто помой. Но для профилактики сгодится и такая». В стене была дверца, с надписью: «Купальные халаты». Алекс заглянул внутрь. Никаких халатов, какие-то три металлические фляжки вроде сифонов.

Из открытого окна в комнату врывались звуки большого города. Высунув голову, Алекс увидел внизу совершенно миниатюрную церковь, невесть как сохранившуюся. Тут же на свет появился альбом.

Но сеанс рисунка был недолог, взглянув на часы, Спиро понял, что наступило время завтрака. В дверь постучала фрау Лец, и они, справляясь у дежурных, отправились на поиски своих коллег. Для участников конференции был выделен зал на западной стороне. За столами сидело доволь-

но много народа, перебрасываясь шутками, они поглощали блюда, разносимые улыбчивыми официантками. За огромными окнами высились старинные башни Гремля. От вчерашней грозы не осталось и следа. Умытое небо будто салфетками протирали аккуратные белоснежные облачка. Посматривая на директрису, чтобы не сделать какой-нибудь оплошности в пользовании тем или иным прибором, Алекс благополучно закончил трапезу. «Эдак совсем одичать можно. Живешь, елы-палы, как зверь. Никакой светской жизни. Окажись в приличном обществе и осрамишься, чего доброго!».

Прихватив в качестве трофея пару яблок и йогурт, они отправились в свои номера. Впереди предстояла заявленная в общей программе посещения поездки на международную выставку. Увесистый пакет был вновь вручен Алексу с тем, чтобы посетители выставки смогли глубже ознакомиться с кипучей деятельностью работников Дворца.

– А кто будет продавать? Я сразу хочу предупредить, этим заниматься не собираюсь, – мрачно изрек Алекс.

– Я сама буду.

«Чует мое сердце, придется эти проклятые брошюры обратно волочь», – подумал Спиро, но вслух ничего не сказал.

Два автобуса с конкурсантами долго плутали на дорожках Косульнического выставочного комплекса. Кругом были понатыканы шлагбаумы. Возле них стояли охранники, требующие плату за проезд. У одного из блокпостов возникла

перепалка с водителем, категорически отказавшимся это делать. Мандат Института «Отмытое Общество» не возымел на стражей никакого действия. В окна автобуса влились знакомые с детства обороты ненормативной лексики. Пнув с досады колесо, свирепого вида боец в камуфляже рывкнул: «Ты хрен отсюда выедешь!»

Наконец, скрипнув тормозами, автобус остановился у павильона с огромной надписью «Школа-99». К его входу вело красное ковровое покрытие. Едва высыпавшие победители конкурса направились к ступеням, как грянул военный духовой оркестр. Телевизионные камеры на треногах развернулись в сторону вновь прибывших.

«Кажется, парад начинается», – усмехнулся Алекс и, крепясь под тяжестью собственной печатной продукции, направился вслед за остальными.

Немного побродив по выставке, Алекс понял, что ничего интересного для него на ней нет. Разве что пара стендов с оборудованием для мини-издательства. Разговорчивый парень, заметив проявленный интерес, обрушил целый дождь из цифр и сравнений в пользу всех этих навороченных штук, матово отсвечивающих под яркими осветителями. Тут же продемонстрировав уникальные возможности грызографа, цаплеров разной пробивной способности и закатав в пластик глюминатором свою визитную карточку, вручил ее Алексу. Покачав головой, тот отвалил в сторону: цены кусались. Да и в смету предстоящих расходов была заложена совсем другая аппаратура.

Медленно переходя от одного стенда к другому, Спиро наткнулся на небольшую выставку. Его внимание привлекла гуашь с изображением горящей свечи. Подписи не было. Долго вглядывался он в просто и лаконично решенную композицию. «Удивительно, даже не верится, что это сделал ребенок». С трудом ему удалось добиться от стоящего рядом со стендом представителя детской изостудии, что это работа двенадцатилетней девочки. Но фамилию ему так и не смогли назвать. «Вот так всегда – гении в тени».

Еще раз бросив взгляд на картину, Спиро подошел к небольшой толпе, окружившей подиум, украшенный цве-

точными корзинами. На нем выстроились ребяташки какого-то певческого коллектива. На сигнал концертмейстера заросший до плеч буйной шевелюрой бородач нырнул в подсобку, и зазвучала бодрая песенка. Алекс внимательно взгляделся в юных певцов, старательно открывающих рты под управлением своего дирижера-руководителя. «И здесь „фанера“! С молодых ногтей приучают имитировать деятельность». Потом на помосте появилось несколько джентльменов в строгих костюмах. Один из них оказался министром Образования Среднего Разума. Спиро не стал слушать приветственные речи. Взяв пару пончиков и бутылку «Колы-Лыка», он устроился за столиком небольшого кафе, рассматривая посетителей, знакомящихся с последними достижениями педагогической мысли.

Над пестрой толпой под самым потолком плавал воздушный шар с надписью «Школа-99». По залу бродил человек-бутерброд с рекламой фирмы «Опанасоник», две небольшие картонки были переброшены через голову. Для Алекса эти «гримасы капутализма» были пока в диковинку, хотя в Ханадыре вид бомжей, роющихся в мусорных баках, уже стал привычным зрелищем. Он вспомнил, как еще в Заливе жители сбегались посмотреть на первого нищего, просящего подаяние.

«Да, припрет, так и пойдешь тоже с котомкой... – размышлял Алекс. – Все красиво, замечательно: книги, оборудование, программы. А спроси любого школьника, хочет ли

он быть учителем, и хорошо, если процентов пять дадут утвердительный ответ. Та же нищета. Нет, ребята, неладно что-то в детском королевстве...».

Обедали они в помещении Академии Педагогики. Трапезная – огромный зал с длинными столами и почему-то без стульев – находилась рядом с библиотекой, все стены, которой были заставлены высоченными шкафами, где за стеклом тянулись ряды старинных книг. Духовная пища соседствовала с пищей земной, но вкусить ее было дано не каждому – на корешках фолиантов названия были сплошь на иностранных языках.

Разделавшись с комплексным обедом походного типа, привезенным из гостиничного ресторана, участники разделились на группы. Семинары, входившие в заявленную программу, были четырех видов. Алекс выбрал тему «Ребенок и культура». Часа четыре длился обмен опытом, почти в самом конце выступил и Спиро, рассказав о работе их студии. Школьные газеты пошли по столам, вызывая бурю эмоций. Были даже аплодисменты. В заключение всех участников собрали в Овальном зале, дабы поблагодарить за активную работу и еще раз поздравить с победой. Алексу вручили диплом с факсимильной подписью Жоржа Саврасова и пластиковый пакет с набором книг. Фрау Лец дождалась своего часа и подарила десяток брошюр о Дворце организаторам конкурса. Но все равно немалое количество осталось.

«Не дотащу до гостиницы. По-моему, продажа брошюр

на выставке была нулевая, как я и предполагал. А ведь зажуковали одну газету из эгвекитаунской серии и одну дворцовую!».

До гостиницы было недалеко, но по пути Спиро руку оттянул так, что за ужином не мог поднять стакан с соком. Пришлось это проделать двумя руками, что вызвало улыбки у соседей по столу. Пошутив по этому поводу, Алекс поинтересовался, откуда приехали их коллеги. Оказалось, что из Горелии. Разговорились о деталях получения гранта.

– Это не такое простое дело. Выиграть грант и получить деньги не одно и то же.

– Позвольте, как это? – обеспокоено спросила Лана Лец.

– Не забывают, где мы живем. Бывает так, что деньги и не доходят до места назначения.

«Вот так штука, – подумал Спиро, – а ведь может случиться, что обломаться придется с бабками. Мало что ли беспредела?»

Беспредела хватало не только в Гроссии. Уже в номере, глядя на экран с пылающими городами вулканской страны, бросившей вызов силам СТОНа (Северо-Танталтический Объединенный Натиск), Алекс со смешанным чувством думал о Югосолии. Братья-соляне, которые, как и большая часть населения Гроссии, исповедовали одну веру, сцепились с братьями-сольманами в Закосии. Те призвали на помощь вооруженные силы Натиска. На чьей стороне правда – понять было трудно, но на чьей сила – ясно. Берсы были оди-

ноки в этой неравной борьбе. Гроссия, будучи уже не в состоянии, как прежде, диктовать миру свои условия, делала вид, что это ее мало касается. Правда, находились горячие головы, требовавшие оказать военную помощь, вплоть до развертывания в Эгейском море флотилии ракетоносцев с дурановыми боеголовками. Хуже всего было то, что начавшийся процесс всемирного разоружения застопорился. Поняв, что мерсиане вмешиваться во внутренние дела Мли не собираются и речь о мировом диктате, а тем более о порабощении не идет, правительства государств постепенно сползли в привычное русло выяснения отношений по типу: «А ты кто такой?».

«Паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат. Сплошная проституция эта политика».

Вдруг раздался стук. На пороге стояла покрашенная бабища. Увидев Спино, она сделала попытку пройти в номер, но Алекс загородил проход. Незванная гостья помахала рукой:

– Массаж.

– Что? Не надо!

Спино, наслышанный о жрицах любви, оставляющих доверчивых лохов без копенса, не имел никакого желания повторять печальный опыт Майкла Рача. Видя, что клиент срысывается, «массажистка» добавила шепотом:

– Недорого!

– Нет!

Захлопнув дверь, Алекс завалился спать. Рано утром предстоял переезд в другую гостиницу.

Среди ночи раздался звонок по телефону.

– Девушку не хотите?

– Тьфу! Нет!

Утром Алекс позвонил в Представительство Чумландии, где по последним данным должен был подвизаться Мурк.

– Джу Мурк? Нет такого. Уже не работает.

Это был их последний завтрак в ресторане гостиницы «Гроссия». Часть конкурсантов уехала еще накануне. Оставшиеся должны были искать себе другое место: Фонд Саврасова оплатил только пять дней проживания. Фрау Лец договорилась об их временном поселении в бывшем общежитии Института Модернизации Учителей, переоборудованном в гостиницу.

Поедая омлет с помидорами, Алекс думал о том, как убедить своего шефа в необходимости оставить его до полного оформления документов на грант. Ему не хотелось возвращаться в Ханадерь с пустыми руками, мотаться туда-сюда было бы накладно. Но у директрисы были свои планы: надвигающийся юбилей Дворца и праздник двухсотлетия Пунша предполагалось ознаменовать целой серией памятных брошюр и буклетов. Что, естественно, взваливалось на плечи Спиро.

«Да и отдохнуть не мешало бы, сколько лет на материке не был, – задумчиво мешал ложечкой чай Алекс. – Имею я право на отпуск или нет? Черт с ним, с юбилеем, вернусь осенью и с аппаратурой».

– Извините, что помешал, но уж очень поговорить хотелось с представителями далекой Чумландии, – раздался густой бас.

Представители обернулись и увидели богатырского сложения бородача.

– Позвольте представиться, Дар Креч, биолог, грант номер ДК 034. Бывший ваш земляк, можно сказать, услышал о вас на вчерашнем закрытии и не смог удержаться.

Присев осторожно за стол, он улыбнулся широкой улыбкой.

– Как там пятый причал, стоит еще? Сколько лет прошло, а все как перед глазами. Лиман, тундра, снежники, антенны на сопках. Два года отбарабанил как-никак в ПВО. Сейчас в Нижнем Ньюбурге, в университете, кафедра молекулярной биологии.

Они разговорились. Фрау Лец особенно заинтересовал порядок и условия получения гранта.

Нижний, Нижний, что-то связано с этим городом. Что-то помимо его давней и неудачной попытки стать биофизиком. Ну, конечно! Ведь именно там открыт один из центров по изучению морских и речных млекопитающих, там ведутся работы над одомашниванием тюленей и тому подобной живности. Попытки получить потомство золотого тюленя, с тем чтобы наладить их разведение в пресных водоемах континентальной части материка. Алекс вспомнил, что у некоторых ученых, исследовавших памятный для него улов речных пиратов, на куртках красовалось слово «Н-Ньюбург».

Немного поболтав, Креч поднялся из-за стола.

– Будет время, заходите, я в 520 номере. Всего доброго,

привет Ханадырю.

Полярники народ особый, и даже те из них, кто пробыл на Севере не так уж много, «западают» на нем на всю жизнь. Алекс решил зайти к ньубуржцу и, предупредив Лец, что немного задержится, заглянул в номер к Кречу. В нем была точно такая же обстановка, если не считать обоев другого цвета и иной формы зеркал. На одной из кроватей лежал наполовину собранный чемодан.

– А я уже отчаливаю, поездом в три часа. Сколько сейчас посадок до Ханадыря? Ого! Неужели девять часов без посадки?

Они обменялись адресами.

– Золотого тюленя не приходилось видеть?

– Приходилось, даже зарисовки делал.

– Эх, махнуть бы туда! Да ведь к вам теперь не попадешь – как была закрытая зона, так и осталась...

Присев на подлокотник кресла, Алекс, не удержавшись, попросил у Дара сигарету.

– А я ведь в свое время поступал в ваш университет, на математике срезался.

– В каком году?

– 1971. На факультет биофизики.

У Креча полезли вверх брови. Он удивленно взглянул на Алекса и произнес:

– Ну, мы с вами ноздря в ноздю шли... Так что получается вдвойне земляки, интересное совпадение. – И, видя, что

Спиро собрался уходить, добавил. – Будете у нас на Волганге, милости просим.

Уже у себя в номере, собирая вещи, Алекс подумал, что он непременно еще раз посетит этот город, где слово «треккер» несло особый смысл. Одна из любимых картин Спиро «Треккеры на Волге» была написана Илом Репом на основе его впечатлений от поездки в Нижний Ньюбург.

6

Такси донесло их до комплекса зданий Института Модернизации Учителей. Помимо административного и учебного корпусов, пятнадцатипятиэтажной башни гостиницы, переоборудованной из общежития, здесь же размещался ресторан и развлекательный центр. В большинстве учебных заведений высшей школы широко практиковалась сдача в аренду помещений частным структурам. И совсем неудивительно было иногда обнаружить курьезное соседство, например, Института Здоровой Семьи и бюро ритуальных услуг.

Номер, где поселился Алекс, значительно уступал предыдущему. Как в цене, так и по уровню комфорта. В комнате стояли три кровати, две из которых были заняты. Дежурная, шустрая старушка в синем халате, положила стопкой постельное белье и вручила ключ с выбитым номером на кусочке жести.

– А что, мамаша, тихо у вас тут? – на всякий случай спросил ее новый постоялец.

– Тихо, тихо. По сравнению с другими, так вроде ничего. Не так как при сусализме, конечно, но ничего. Иногда позоруют, эти особенно, абрезы с грузами. Давеча в кабаке упились, так новый мусорный бак – в решето. Ну, вот жилец с пятнадцатого этажа сиганул на прошлой неделе. Сам ли нет, не найдут еще. А так тихо.

– Вопросов больше не имею.

«Мда-а, – подумал Спиро, сваливая поклажу в шкаф, – начинаются суровые материковские будни. Надо быть начеку».

Он походил по комнате, искоса посматривая на вещи соседей. С виду ничего особенного. Тренировочные костюмы фирмы «Грибок», сброшенные на спинки стульев, на столе традиционный набор командировочных: электрокипятильник, пакеты с концентратами, банка с сахаром, хлеб в целлофане.

«Для бандитов слишком тривиально. Хотя всякое может быть. Прикинутся простачками, а потом смахнут с пятнадцатого этажа».

Подойдя к окну, Алекс увидел внизу какое-то производственное здание. Скорее всего это был гараж. У одного ангара несколько рабочих распиливали ствол рухнувшего дерева. Рядом стоял автокран. За кирпичной стеной начинался небольшой лесок, вдали высились бетонные заросли северной окраины столицы. Лиловая дымка охватывала их.

Рядовой северянин, проживший весь свой век, по существу, в зоне (хотя бы и пограничной) с ее концентрацией силовых подразделений, где на каждую сотню жителей приходилось десять полицейских и пять пограничников (не считая армейских вояк), в значительно меньшей степени был задет волной криминала, захлестнувшей в последнее время Гроссию. Мафия в привычном для метрополии значении от-

существовала, преступность не выходила за рамки обыкновенной «бытовухи». Бандитских разборок, перестрелок, заказных убийств и взлетающих на воздух «меринов» не было и в помине. Не имеющих иммунитета, выросших в тепличных условиях (как ни странно это звучало) «жирных северных гусей» частенько потрошили на вокзалах, в аэропортах, и возвращавшиеся из отпусков жители Чумландии пугали друг друга ледящими кровью историями. Не так давно Спиро с ужасом узнал, что одного эгвекитаунца, известного в городке хирурга, порешили боевики курейской мафии.

Дело усугублялось тем, что фрау Лец, опасавшаяся за целостность крупной суммы денег, взятой ею для текущих нужд Дворца, решила вручить ее Алексу. К тому же перед самым отъездом его озадачили покупкой компьютерных причиндалов для Управления Социального Призора Населения. Все это вселяло в Спиро серьезную тревогу и ему ничего не оставалось делать, как закопать тугую пачку ассигнаций на самое дно своей торбы.

«Чему быть, того не миновать».

Отворив окно, Спиро вдохнул остывающий воздух. Вечерело. Вдруг он явственно услышал звуки, раздающиеся из дальней лесопосадки. Звуки напоминали автоматные очереди. Замерев, он напряженно вслушался.

«Однако! – подумал Алекс. – Хорошенькое дело, среди бела дня, можно сказать, палят и хоть бы что».

По двору гаража как ни в чем не бывало продолжали раз-

гуливать рабочие. Грузовик выполз из дверей гаража и остановился около крана. Настороженный слух Алекса уловил нечто похожее на звуки музыки духового оркестра.

«А может быть, там кладбище и это был салют? Похороны очередного крестного отца, павшего от руки наемного убийцы. Осиное гнездо какое-то. Случись что, и отбиться будет нечем. Разве что перочинным ножом. Хотя какое это оружие!».

Проходя мимо тумбочки, Алекс увидел, что в слегка выдвинутом ящике что-то тускло блеснуло. Остановившись около и немного помедлив, он осторожно потянул ящик на себя.

В животе у Спиро неприятно похолодело. На дне лежал пистолет.

Уже через полчаса после того, как Спиро и его соседи по номеру сели за стол, дабы отметить поселение нового жильца («Не откуда-нибудь, а из самой Чумландии!»), все страхи Алекса улетучились, как дым. Сотрудники Службы безопасности авиаперелетов компании «СмолАвиа», проходившие в Мозгве какой-то семинар, оказались людьми очень гостеприимными.

– Курить вредно, согласен. Я сам бросил: с утра ни одной... Но выпить сто грамм после работы – это даже полезно, недавно где-то читал. Правильно? А я сначала подумал, что ты, того, больной или прикидываешься, жуй-малажуй, – скороговоркой произнес Нико, подвижный, смуглый, с хитрыми темно-карими глазами.

Летчик первого класса, пролетавший всю жизнь в вертолетной авиации, он с досадой признался, что хотя в Гроссии нет ни одного региона, где бы он ни побывал, все же восточнее Укутии работать не довелось.

– Такого в принципе быть не может! Северянин, здоровый и чтоб не пил? Когда сказал, что учитель, то я все понял. Но мы ведь так, слегка. Да и что тут пить? – он удивленно посмотрел на стол.

Бутылка «Сербурской стужи», освободившись от содержимого, переместилась в угол комнаты к своим разнокали-

берным собратьям. Ее место заняла «Мозговская особая».

Спиро, уже слегка окосевший, вздохнул:

– В такую жару пьют только самоубийцы.

– Это разве жара? Вот когда я работал в Настурции на опылении табачных плантаций, вот это была жара. Пятьдесят градусов в тени. И сорок рейсов в день. По пять минут. Взлетел – сел. У нас за месяц шестнадцать пилотов разбилось. Но платили. Сто долблей в день. Работа адская. Только виски и помогало. Да ты и не пьешь совсем, жуй-малажуй! Вот смотри, Питер. Он хоть и бывший моряк, но в нашей службе знает толк. Когда командир говорит можно, то это уже не можно, а нужно. Зато когда говорит нельзя, то это нельзя.

– Это точно, – мотнул головой по большей части молчавший Питер, ко всему прочему обладающий изрядными габаритами и лицом, иссеченным мелкими шрамами. – У нас раз в походе на БПК кино решили показать. Экран над палубой повесили. А это на экваторе было, жара. Вдруг небольшой такой шквал налетел, экран – в воду. Тут я за поручни, думаю, нырну. Командир мне: стоять! И тут же над полотнищем – оно так медленно опускалось – серая тень. Акула. Вот бы нырнул...

– На севере акул нету. У нас касатки.

– Акула! Ты знаешь, сколько у ней зубов? – обернулся к Алексу Нико. – Шестьсот. В пять рядов. У меня, кстати, жила однажды дома...

– Кто, акула?

Нико зажевал полпомидорины и кивнул.

– Волчица. Щенком взял. Так веришь, жуи-малажуи, возьми эдак лапу, поднесешь к листу ватмана, ширк – и лист на пять кусков. Вот когти!

– Волки у нас есть. Полярные. И медведи. Белые. С острова Кренделя. Бывает, и с Хохляски приходят.

– А, Меркания... Вот Питер, между прочим, еще и в морском спецназе служил. «Нарвалы». Мерканские «котики» им и в подметки не годятся. Принимал участие, – тут Нико перевел опустевшую «особую» в горизонтальное положение, – в подъеме лодки «Черный Август».

– Да, была история. Эти мерки-недомерки до нас пытались снять с нее секретку, но обломились. И все, заметь, из-за капитанской ноги.

– Ноги?

– Ну да. Капитан был немного нестандартный. А к каюте капитана обычно примыкает секретный отсек с документацией. Тесно, у него ноги на кровати не помещались. Он возьми и прикажи перенести секретку в корму. Тут у побережья в районе Лося Железного налетают на риф и ложатся на грунт. Экипаж спасли. Мерканцы. И давай ее поднимать. При подъеме она переломилась. Они знают, что отсек в носовой части. Подняли, а его нет. Ну, тут мы подоспели. Так из-под носа у них увели.

– Валенки... Откуда бы им знать про капитанову ногу?

– Эти валенки видишь, что в Югосолии делают? Стоновцы вконец оборзели. Ладно, пойду-ка я новости посмотрю.

«Нарвал» не спеша выплыл из комнаты.

Дальнейшее Алекс помнил плохо. Как он ни отнекивался, Нико откупорил третью бутылку. «Слезу Смолдовы». На его красноречие количество выпитого подействовало довольно своеобразно. Оно стало более живописным, и в нем появились новые нотки. Во-первых, Нико повысил себя в звании и фигурировал уже как майор. В его подчинении оказались таможенники и все службы обеспечения аэропорта Кишмишев. Мерканский миллиардер, который был уличен в незаконном провозе древней иконы, рыдал на груди бдительного стража и, проникшись внезапной симпатией, звал Нико в Мерканию, обещая золотые горы. За какую-то провинность пятеро его подчиненных схлопотали по двенадцать лет строгого режима и пол-аэропорта брало под козырек при его появлении. Все чаще звучала фраза «Я здесь старшой!».

Распалившись, Нико схватил здоровенный тесак и ткнул им по длинному огурцу, отчего его половинки отлетели в разные углы комнаты. Алекс вдруг вспомнил про пистолет в ящике и даже немного протрезвел. Выяснилось, что он находится в обществе двух специальных агентов, выполняющих ответственное задание. За стенкой в соседнем номере находится группа прикрытия, вооруженная до зубов и готовая любого покрошить в капусту. Питер к тому времени уже вырубился, и его грузная фигура издавала временами храп,

похожий на рык льва. «Старшой», кивнув на него, вдруг заявил:

– Вот мой агент, кличка «Дровосек». Ему человека убить, что комара пришлепнуть. Сто пять способов отправить к праотцам. Если, например, я захочу – одно слово и от тебя мокрого места не останется. Веришь – нет?

Алекс, не сводя с него глаз, кивнул. Ему уже казалось, что живым из этого номера он не выйдет и бедные «умки» так и не дождутся своего руководителя.

– Но ты не бойся. Знаешь почему? Потому что ты мой друг, и я тебя уважаю. Давай, по последней. Ты меня уважаешь? Меня, полковника КОБРа, жуй-малажуй?!

Полстакана крепчайшей «слезы» доделали свое дело.

Спал Алекс плохо. Ему снились какие-то диверсанты в гидрокостюмах, прыгающие через пылающий обруч белые полярные волки, с мостика подводной лодки звучал усиленный мегафоном голос фрау Лец, взывающий к долгу Алекса перед памятью великого Алиандро Пунша. Проснувшись среди ночи, Спиро долго прислушивался к дыханию своих соседей. Ему казалось, что они не спят и ждут удобного момента, чтобы наброситься. Так и не дождавшись ничего, Алекс заснул снова.

С утра соседи по номеру как ни в чем не бывало занялись зарядкой и водными процедурами. Правда, Нико выглядел слегка смущенным. Ставя кипятить воду, он как бы между прочим спросил Алекса:

– Я не очень выступал вчера?

– Да вроде нет, ничего.

– Бывает иногда, переберешь и несешь всякую чушь. Вот характер, жуй-малажуй. Ты не обижайся, если что не так.

Открыв ящик тумбочки, он достал пистолет и, щелкнув пару раз, закурил сигарету.

Здание Института «Отмытое Общество» располагалось в Большом Бараньем переулке. Выскочив как пробка из выплевывающей толпы людей станции «Новые ворота», Алекс довольно быстро нашел двухэтажный, слегка просевший в землю, серый особняк. Его окружала ковкая чугунная решетка. Надпись на металлической доске на гротескном и джунглийском языках, полированные латунные ручки массивных дверей, полицейский, прогуливающийся вдоль выстроившихся иномарок; говорили о том, что Фонд Саврасова – контора не из простых. Охранник, сидящий за пультом, над которым громоздилось несколько мониторов, потребовал паспорт и, спросив, к кому он направляется, выписал пропуск. Взглянув на экраны, Спиро увидел, что все ближайшие подступы просматриваются с помощью телекамер. В углу стоял изящный гранатомет «Слепень».

Поднявшись на второй этаж, Алекс обнаружил длинный коридор с ковровым покрытием, сводчатый потолок и низко посаженные в метровые стены окна, забранные фигурной решеткой. В конце коридора, поблескивая никелем, высился автомат с газированной водой. То и дело сновали сотрудники Фонда, по большей части молодые девушки с озабоченными лицами. В руках у них были объемистые папки с бумагами. Около кабинета с табличкой «Группа стратегического

планирования» стояла пара джентльменов в двубортных пиджаках и вела непринужденную беседу. Небольшая выставка детских работ на стене дополняла картину.

«Уютное заведение, – подумал Алекс, – неплохо устроились».

За дверью с номером «37» обнаружилась большая комната с царящим в ней, на первый взгляд, хаосом. Несколько мощных компьютеров по периметру, копир, в центре круглый стол с кофейником, ворох бумаг на столах, магнитные доски и еще тысяча всяких канцелярских разностей. От ближайшего компьютера оторвалась девушка с короткой мальчишеской стрижкой и развернулась в сторону Спино.

– Здравствуйте, я – Натали Фон, отдел поддержки, чем могу быть полезна?

– Здравствуйте. Я – Алекс Спино, Ханадыр, Чумландия, «Умка-Пресс». Грант номер АС 468.

– Прекрасно, присаживайтесь.

Последовала процедура оформления договора на получение гранта и гарантийного письма, что в случае пропажи денег в дебрях гроссийской банковской системы, у Спино никаких претензий не будет.

«Чудно, чудно! Тут и не такие суммы пропадают, ищи-свищи потом наши деньги, если что. Мосье Саврасов предпочитает подстраховаться. Разумно. Только кто подстрахует нас?».

– А если не подпишу?

– Тогда будут сложности.

– Придется рискнуть.

Получив два экземпляра договора, которые должны были быть заверены печатью и подписью главного бухгалтера Дворца, Спиро уложил их в тоненькую пластиковую папку. Теперь оставалось отдать их директрисе, которая возьмет их с собой в Ханадырь. Через недели две документы вернутся, и можно будет идти дальше – формальности на этом еще не кончались. Что ж, времени впереди много, можно будет вплотную заняться «Золотым Умкой», размещением его в Сети. Алекс было направился к двери, но Натали сделала останавливающий жест.

– Фрау Лец приобрела билет самостоятельно и тот, что купили мы, она вернула. А вот ваш, – она протянула Алексу синенькую книжечку с логотипом Даймондедовских авиалиний.

Спиро посмотрел на билет непонимающим взглядом.

– Как же так, мы ведь вроде с ней договорились, что я остаюсь. Мне билет понадобится только в сентябре...

– Нас никто не предупреждал.

– А я могу его сдать? Рейс только вечером.

– Сожалею, но оплата произведена безналичным расчетом и возврат невозможен.

Удар получился ниже пояса. Но отступить Спиро был не намерен.

– Я отказываюсь от него. Мне необходимо остаться здесь.

– Минутку.

Появился начальник отдела – женщина с хищным птичьим профилем и колким взглядом. Вникнув в ситуацию, она сухо заметила:

– По вашей вине пропадет билет. Если отказываетесь, пишите заявление.

Приняв лист бумаги с торопливо написанным заявлением об отказе, с некоторым любопытством взглянула на Алекса:

– Вы понимаете, что теперь отправляетесь в свободное плавание? – и, пожав плечами, добавила: – Дело ваше.

Рейсовый автобус «Мозгва-Электростул» отошел от Изюмайловского парка в десятом часу, и какое-то время Алекс вертел головой по сторонам, обозревая быстро меняющиеся картинки вечернего мегаполиса, потоки машин, толпы людей. В наступающих сумерках засветились гирлянды огней, реклам, вывесок, витрин. Мелькнула перечеркнутая красной линией надпись «Мозгва» и пошли, сменяя друг друга, названия городов-спутников: Раутово, Каббалашиха, Электроямск. Наконец все это сменилось обычным подмозговным лесом, и он задремал, укачанный мерно гудящим двигателем.

Через час, высадившись на остановке, Алекс окунулся в темноту улиц чужого города. Сквозь кроны высоких деревьев пробивался свет уличных фонарей. Какой-то случайный прохожий подсказал ему нужное направление. Выйдя на небольшую площадь, он обнаружил по правую сторону освещенное светом прожекторов здание Храма Спорта. На углу двух улиц он прочитал название – «Проспект Линча». Как и в Ханадыре, центральная улица сохранила свое левоповоротное название. Преодолев примерно киломилю вдоль проспекта, разделенного посередине аллеей тополей, Спиро миновал местный Дом Счастья с лаково блестящими в свете уличных фонарей массивными колоннами.

«Да сколько можно идти? Неужели опять заблудился? И телефонов не видать».

Увидев вывеску междугородней телефонной станции, он вошел внутрь. При его появлении сидящий на скамеечке тип в обтрепанном пиджаке встрепенулся и сделал попытку встать. Оказалось, что Алекс не дошел до жилища Роншара совсем немного. Повесив трубку, он вышел в прохладу ночи. Пьяница было увязался за ним, периодически хрипло издавая что-то вроде «Браток, погоди», но Спиро поднажал и тот отстал.

Дом, в котором жил самокатчик, был старым добротным зданием, возведенным в эпоху культа Ласта. Подъездная решетка – маленькая копия решеток средневековых городских ворот – была поднята и прикручена к станине алюминиевой проволокой. Коммунальные службы не дремали – развороченный асфальт и канава, наполненная дождевой водой, преградили путь. Очевидно, решетку должен был дополнить небольшой подъемный мост.

Первый этаж. Наконец-то. Дверь с приколоченным к ней древним почтовым ящиком отворилась, и Алекс увидел знакомую по фотографиям пышную шевелюру Леру. Они обнялись.

– Вот так сюрприз! Позвонил утром, мы уже устали ждать... Последним автобусом? Да ты проходи, раздевайся! Слушай, ты куда пропал? Последнее письмо в Эгвекитаун я отправил полтора года назад. От тебя ни слуху, ни духу! Я

понял так, что Ассоциации конец. Что случилось? Это связано со Сдвигом?

– Да, после него возникли проблемы. Я почти год провел на метеоточке, потом перебрался в Ханадырь. Думал, ненадолго, но, похоже, застрял капитально... Куда можно сумку положить?... Но, главное, намечается выход из тупика.

Спиро прошел в комнату, увешанную географическими картами, вымпелами и плакатами. В центре стоял круглый стол, уставленный тарелками.

– Значит, здесь ты обитаешь...

– Осмотрись, если хочешь. Комнату мы тебе подготовили. Вот туалет, ванная, кухня, а это моя жена Энн, – представил Роншар выглянувшую из-за кухонной занавески молодую женщину с челкой темных волос. Ее лицо показалось Алексу немного заspanным.

Леру выглядел чуть старше, чем представлял себе Спиро. В копне его шевелюры было немало седых прядей. Привычка горбиться, меховая безрукавка и валенки на ногах придавали ему сходство со сторожем на дровяном складе.

– Не обращай внимания, у нас тут на первом этаже не жарко – тянет из подвала. Там склад сухого льда мясной лавки. Но в жару это даже неплохо.

Спиро с любопытством всмотрелся в дверь, украшенную закрученным корневищем какого-то растения. Вместе с нарисованной на ней деревом и несколькими катаяскими иероглифами получалась композиция в восточном стиле.

– Это моя комната и кабинет одновременно.

Старинный сундук, письменный стол с кипой бумаг, пишущая машинка, стеллажи книг. Над кроватью красовался флаг Гроссийской Федерации времен колунистов и икона под стеклом, в потемневшем киоте. В комнате, отведенной для Алекса, на стене также висело несколько икон и развешенные олени рога. У книжного шкафа возвышалась пирамида из объемистых пачек, перевязанных бечевкой. Оберточная бумага одной из них была разорвана и можно было прочесть на корешках выглядывающих книг: Л. Роншар. «Старость не радость. Секреты оздоровления».

– Твое? Это что, весь тираж?

– Почти, – махнул рукой Леру. – Ждет своего часа.

Когда уселись за стол, Леру включил старинную радиолу и поставил пластинку. Спиро неожиданно узнал знакомую мелодию. Это звучала песня Ури Бризова, чьи строчки были взяты эпиграфом к «Золотому Умке»: «Нью-Игарка, мадам, Лос-Дудинка, иностранный поселок Тикси».

– Надо же, какое совпадение! – невольно вырвалось у Спи-ро. И встретив вопросительный взгляд хозяина, пояснил: – Потом поймешь.

Спиро почти не сомневался, что Роншар станет участником романа-игры, ведь он давно знал об идее объединения Полукружья и даже свой будущий велопробег посвящал именно ей. Правда, это было еще до Сдвига.

После рюмки настойки Алекс, не утерпев, вытащил свою папку.

– Вот, взгляни.

Леру зашуршал бумагами. Спирос хрумкал салатом и поглядывал на него, ожидая реакции.

– Мне старая редакция Устава «Полярного Трека» больше нравилась. Там все так толково было расписано. Подробно, весоно. Авторитетно.

«Ай-яй-яй, – подумал с досадой Алекс, – неужели у него проблемы с чувством юмора? Это худо».

– С таким вариантом ни к одному чиновнику не подойдешь. Представь, я приезжаю в какой-нибудь город, иду в мэрию, говорю: «Так, мол, и так, я представитель Ассоциации, совершаю велопробег с целью...»

– Объединения жителей...

– Правильно, а у тебя что? Защита Полярного Круга, сохранение, возрождение... Это слишком в лоб.

– Чей, мерсов?

Роншар, не обращая внимания на колкость, продолжал:

– Иду в мэрию, говорю, вот мои полномочия, вот наш Устав. А там? Думаешь, если замаскировал под хохму, то никто не поймет, откуда уши растут? У меня с чувством юмора все в порядке, а вот у чиновников? Тебе салата подложить?

– Может быть, ты и прав. В данном случае. Только пойми, нам ведь не чиновники нужны, а люди, способные понять идею, заключенную в Проекте, – упавшим голосом произнес Спиро.

– И без юмора ее понять нельзя? – задала вопрос Энн, пытаясь разрезать испеченный к приезду гостя пирог. – В таком случае прошу отнестись с юмором и к моему творению. Слишком жесткий получился пирог.

Алекс хотел вспомнить шутку Бендера о точильном камне, но передумал. Работая челюстями, он произнес:

– О, напрасно беспокоитесь, я человек неизбалованный. Мне даже нравятся немного жесткие.

– Вот, посмотри, – Леру протянул стопку плакатов и газет. – Здесь собрано все, что касается моего участия в «Полярном Треке».

Спиро взял тот, что лежал сверху. «Экспедиция из географического центра Жиропы в географический центр Разии. Леру Роншар, мастер спорта, рекордсмен Книги Гикнесса». Пестрели эмблемы известных и неизвестных фирм.

– Я смотрю, у тебя куча спонсоров.

– Конечно, иначе это просто авантюра. Ехать без средств, без поддержки... Поэтому я тебя и просил прислать поболь-

ше всякой печатной продукции. Буклеты, плакаты, значки с символикой Ассоциации. В дороге это большое подспорье, ведь приходится встречаться со многими людьми. Обрати внимание здесь, внизу.

Алекс прочел строчки, набранные жирным шрифтом. «Эксперимент проводится в рамках подготовки к высокоширотному кругосветному походу по странам Заполярья – программы Ассоциации «Полярный Трек».

– Постой, постой... Ты не отказался от идеи пробега?

– С какой стати?

– Но ведь Полярный круг-то, того...

– Тем более.

– Ну, ты даешь...

Спиро ликовал в душе. Наконец-то! Есть один человек, который готов, как и он, осознанно встать на защиту Полярного Круга. Не относясь к идее как к детской забаве, а без дураков. Ну, теперь держитесь, мерсиане!

– Значит, не только по бездорожью и разгильдяйству?

Взгляд Леру был серьезен.

– Не только.

Новые знакомые оказались вполне симпатичными людьми, так как они с симпатией отнеслись к «Золотому Умке». Леру, уступив натиску Алекса, пообещал до отъезда Спиро написать первую главу. Прочтя ту часть, которую написал Спиро, он согласился, что жанр путевых зарисовок вполне имеет право на существование и совершенно необязательно идти по пути традиционного романиста, погружая читателя в мир традиционного вымысла. Дубль-принцип мог отдыхать.

После Сдвига северная часть Гроссии и остальных арктических стран изменилась. Леру считал себя профессиональным путешественником-самокатчиком и имел на это право: несколько лет назад он проехал по периметру страны, тогда еще ГросСоюза, и был внесен в отечественное издание Книги Гикнесса. Одно дело двигаться по снежному насту, а другое – по болоту. Круглогодичная слякоть, стоящая теперь в высоких широтах, заставила отказаться от обычного самоката, и Роншар строил легкий болотоход. Вернее, его должна была изготовить фирма «Грибок», рекламу которой он обязался, в числе прочих фирм и фирмочек, нести по злополучной параллели. Переговоры еще не начинались, но эскизами этого агрегата Роншар завалил весь свой кабинет. Это была легкая конструкция на баллонах и с парусом. На ней он дол-

жен был пересечь пролив Брейна и Танталтический океан. Роншар был фанатом самокатопутешествий, кабинет украшали фотографии тех мест, где он успел побывать. Его старая железная лошадка стояла тут же в коридоре, и на ее боках читались следы походов. Повсюду можно было наткнуться на снаряжение самокатчика. Куртки и спальники с эмблемами фирм-спонсоров. Велосипедные заросли в туалете: пять рам и дюжина колес, подвешенных к потолку, образовывали эффектную композицию, сделавшую честь любой выставке ивангардистов.

Большое значение Леру придавал идейно-пропагандистской стороне. «Основным средством передвижения выбран велосип-самокат как транспорт, наиболее отвечающий требованиям полного и всестороннего выполнения поставленной задачи», – гласила одна из листовок, отпечатанная Леру в местной типографии.

– Автомобиль – роскошь?

– Для меня – да. Хотя подумываю о машине. Солнце, воздух и вода хороши и из окна авто, а когда ветерок встречный где-нибудь на перевале... Теперь о романе. Я подумал, что можно будет в нем рассказать о моих путешествиях к географическому центру Жиропы и о велопаломничестве в Верусалим.

Они сидели на кухне, выходявшей большим окном на проспект, и наблюдали за проходящими пешеходами. На подоконнике стоял горшок с миниатюрным гибридом фи-

куса с баобабом и банка из-под сельди с какими-то зелеными стрелками. Роншары исповедовали вегетарианский образ жизни, и это дало повод Алексу еще раз вспомнить бессмертное произведение.

– Мясо действительно вредно. А ты не пробовал питаться пророщенной пшеницей? Рекомендую. То, что обливаешься, – одобряю. В здоровом теле – здоровый дух, так, кажется, в вашем Кодексе Умки записано? Идея с агентством неплохая, но не будет ли это помехой? Время идет, – Леру поглядывал на Алекса и лущил тыквенные семечки, время от времени отправляя их в рот. – Хорошо, после того как ты купишь оборудование для вашего Дворца, поедешь в Ханадырь и завершишь проект – что потом?

– Еще не знаю. Как масть пойдет. Надо деньги искать для дальнейшей работы, чтобы Ассоциация возродилась. Найти новых единомышленников, спонсора вроде Саврасова. Есть мысль сделать книгу об Эгвекитауне, материал собран, интересные слайды привез. Их мне один знакомый фотограф из Залива дал. Можно посмотреть, если интересно.

– Конечно! Мы ведь так и не добрались до Чумландии в прошлый пробег по периметру. А насчет денег... В твоих записях есть интересное место, где описан ваш поход в тундру.

– Имени товарища Бендера? Ну и что?

Леру Роншар оживленно заерзал на стуле.

– Ты что! Это место надо выкупить! Единственное место

на планете, где Полярный Круг пересекает стовосьмидесятый меридиан.

– Пересекал.

– Все равно, – Леру поднял свой палец, – будет дорог как память.

Спиро наморщил нос.

– Возиться с этим сейчас... Можно, конечно. А что это даст?

– Как что? Туристы будут приезжать, фотографироваться, палатку сувенирную поставить, гостиницу. Да мало ли?.. Вот и деньги. Морщишься? Не деловой ты человек, а жаль. Поди найди спонсора, это дело не простое, уж я-то знаю.

Вечером Алекс паковал свои нехитрые пожитки (на следующий день он отправлялся в Калугулу, к Войту), когда Леру дал ему лист бумаги, исписанный мелким, убористым почерком.

– Это как раз накануне Сдвига, пристегни к своей медвежьей упряжке... Доволен? А вот вид у «Умки» не совсем... Предлагаю заняться ее дизайном.

Рукопись была облачена в обложку из зеленого дерматина и приобрела презентабельный вид. Спиро подарил Леру рисунок из серии «По Ханадырю»: улица Серой Утки с магазином «Дань Природы».

Перед сном, взяв наугад какую-то книгу с полки и раскрыв ее посередине, Алекс прочитал: «Всякая правда есть лишь новая, но еще не доказанная ошибка».

12

На следующий день, покидая город, Алекс обратил внимание на монументальное сооружение из железобетона, установленное на границе городской застройки и не замеченное им в ночь прибытия. Это было подобие стула. Бетонными ногами оно упиралось в параллелепипед основания. Сверкающие на солнце металлические буквы, образующие слово «ЭЛЕКТРОСТУЛ», увенчивали сиденье, не иначе как для великанов. Спинка плавно переходила в зигзагообразную молнию.

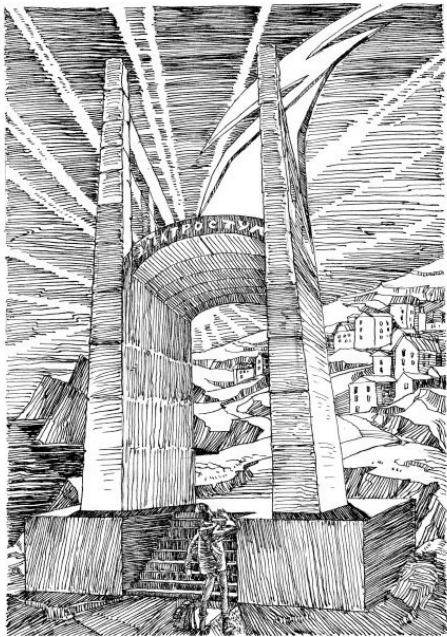

Иллюстрация Михаила Сотникова (г. Электросталь)

«Выразительная штукавина, – поежился Спиро – не хотел бы я оказаться на таком стульчике!»

Предавшись размышлениям под плавный ход междугороднего автобуса, Алекс попытался проанализировать складывающуюся ситуацию. Что делать? Искать возможность выйти в инфернет с тем, что уже написано ими – а это как-никак девять (с Леру десять) человек, – или навестить знакомых северян и старых приятелей, дабы заручиться допол-

нительной поддержкой? Пожалуй, надо выбрать второе. Заняться размещением того, что есть, – сколько уйдет на это времени? А главное – денег? Ведь создание своей страницы в Сети наверняка штука дорогостоящая. И потом, не исключено, что среди своих друзей он мог бы найти зацепку, позволявшую выйти на нужный канал. В крайнем случае – дельный совет. И первым после Электростула станет Калугула, где окопался Вик Войт. После их прощания в ханадырском аэропорту от Вика не было никаких вестей. Спиро знал, что Войт не великий любитель писать, и отправил ему письмо из Ханадыря без особого расчета получить ответ.

«Интересно, чем он занимается? Прошло полтора года. Продолжает свои коммерческие проекты и заделался бизнесменом? А может быть, работает на телевидении или в театре?».

Вик закончил Академию культуры в Зגיעе, столице Умкраины. С берегов Непра он перенесся на суровый берег Залива Креста и Полумесяца, где провел, как и Алекс, пятнадцать лет. Среди множества профессий, им перепробованных, была и непродолжительная работа режиссером драматической студии в эгвекитаунском Доме Счастья, где они и познакомились. Спиро в ту пору работал там художником. К счастью, лавры служителя Мельпомены недолго увенчивали вечно взъерошенную шевелюру Вика. Решив, что проще иметь дело с бессловесным железом, чем с неподатливым человеческим материалом, Войт переключился на со-

здание всепогодных вездеходов: тогда это было повальное увлечение. Уехав с Севера, Вик обосновался в Калугуле, губернском центре, стоящем на берегу реки Коки. Этот город был известен как родина ученого-самородка Кона Цикловски, автора научного обоснования полетов в космос и оригинальной книжки «Горе и гений», цитаты из которой однажды попались на глаза Алексу.

На мозговском автовокзале, ожидая свой рейс, Спиро достал тоненькую книжицу стихов, подаренную Роншаром. На лицевой стороне был фотопортрет Энн, закутанной в платок, покрытый инеем. Сборник назывался «Обернулся на взгляд». На обратной стороне фотографию Леру на самокате, с рюкзаком, пересекала надпись: «Алексу Спиро! Сопратнику по отношению к жизни! Роншар». Алекс взглянул на выходные данные: тираж 1500 экземпляров. Отпечатано в Кедрово-Жуево. На шмуцтителе значилось, что меценаты этого опуса – корпорация «Квинта ЛТД», торгующая лучшей в мире фанерой, и религиозная организация «Ум Взбрыке», печально известная тем, что уморила кучу народа в Жестокио, стремясь зачем-то приблизить конец света. Роншар клятвенно уверил Алекса, что тогда он и в страшном сне не мог предположить, что сия «авторитетная контора» выкинет такой номер.

Перевернув несколько страниц, Спиро прочел:

НА ПОЛЮСЕ ЖАРЫ

*Из песка жук поднялся
И замер на высоких ножках
Серебристый корабль инопланетян.*

«Красиво. Кого он, интересно, имел в виду? Мерсиан? Их кораблей никто так и не смог увидеть. Говорят, они появляются на закрытых от посторонних глаз площадках из пространственного туннеля. Черти полосатые, благодетели...».

Роншар был поклонником хиппонской поэзии и свои миниатюры писал в виде хокку – трехстиший. Алексу нравились эти лаконичные картинки, как и сама хиппонская живопись, двумя-тремя движениями передающая неуловимые мгновения жизни. Иллюстрации к стихам сделал сам Роншар в том же стиле.

ИГРА

*После Рождества
Дети садят
В снег елки.*

«Елки, снег. Поди найди его. Разве что в криопарках... А на дворе-то хляби небесные разверзлись. Слава Богу, скоро посадка. Вик, наверное, уже ждет. Хорошая штука телефон».

Остаток дня он провел в пути. Калугула встретила рас-

паренной темнотой, огнями витрин и редкими прохожими. Через полчаса троллейбус из центра города доставил его на конечную остановку – «Силикатную Долину». Спиро даже встревожился, когда за окнами перестали мелькать жилые дома и производственные постройки, а зашумел какой-то лес. «Однако забрался Вик на самую окраину. Похоже на пригород. Переулок Пахарей где-то рядом. Тьма египетская, что называется, фонари не горят. Куда идти? Вик говорил, что вправо от остановки и вниз под горку. И пассажиры разбежались...»

Двинувшись наугад, Алекс, тем не менее, тут же нашел искомый дом – панельную пятиэтажку. Подойдя к подъезду, он чуть было не столкнулся с выскочившим из него Войтом.

– Наконец-то! Что так поздно? Слушай, у меня тут срочное дело... Поднимайся, тебя уже ждут. Пятый этаж. Я скоро буду. Извини, старик, такая невезуха! Я так долго тебя ждал и вот теперь, как назло, надо бежать. Ну, ничего, времени у нас будет достаточно.

Войт с интересом прочитал писанину Алекса. Первые три главы. Дальше ему стало неинтересно следить за мыслью автора, и он, вооружившись ручкой и тетрадью, в полчаса нацарапал свою версию тех событий, которые разыгрались в Чумландии накануне Глобального Сдвига, когда он недолго работал рудокопом в заполярном Инсультине.

Как того и ожидал Спиро, Вик пропустил мимо ушей рассказ о его встрече с мерсами. Стоило завести разговор о «Полярном Треке», как у него срабатывало внутреннее реле, и Вик уже не воспринимал ничего, что для Алекса было первостепенным. Правда, он вспомнил, как неплохо подзаработал на поставках противогозов и спасательных жилетов в дни кризиса из-за Тартартиды. В Чумландии почему-то решили, что грозящее нападение инопланетян выльется либо в масштабное наводнение, либо в газовую атаку.

«Неплохую мы тогда комбинацию провернули, – мечтательно произнес он, – бабок было немерено. Ты как раз на метео уехал. Вот о чем надо бы написать, листописец!».

Вик чрезвычайно гордился тем, что ему удалось проработать несколько сезонов в старательской артели, из которой он привез груды камней, кучу дневниковых записей и катушку с киноплёнкой. На ней был заснят исторический момент: пребывание Алекса на базе старателей. Домоседа Спи-

ро ему удалось вытянуть из Эгвекитауна обещанием показать вымытого из вечной мерзлоты динозавра, который оказался в действительности хорошо сохранившейся тушей кенгуру. Их поставляли мерканцы в счет ленд-лиза во Вторую Войну.

От той поездки у Алекса остались двойственные впечатления. Прожив пару дней в общежитии, облазав все промприборы, спустившись с почти отвесной сопки на бульдозере, который сгребал породу, и нащелкав с десятков пленок, он с восхищением глядел на прокаленных солнцем и ветром добытчиков металла. Но то, что они после себя оставляли, наводило на мысль: только еще один потоп может сохранить какую-то живность на планете.

– Что-то я не слышал ни про какой метеорит, придумал, что ли?

– Придумал – не придумал, тебе-то?.. Была одна история, но я ее интерпретировал.

– Да нам всякое лыко в строку.

Медальон с медвежонком Вика заинтересовал, и Алексу пришлось его отобрать – охочий до экспериментов приятель уже собирался расковырять подарок мерсианки, чтобы посмотреть, что у него внутри.

На следующий день Вик повел Алекса показать свою дачу. Благо, она располагалась под боком – жил Вик на самой окраине. Окна квартиры смотрели на подступающий к городу лес. Бетонная лента шоссе, уходящего в сторону Мо-

сленска, разрезала его синие волны на зыбком горизонте, как сверкающий меч.

– Хорошо жить на окраине: тихо, лес под боком, речка. Тут и гараж недалеко. А в центре жара, пыль, суета.

– Хороший вид, – кивнул головой Спиро. – А машина где, в гараже? Прокатил бы.

Вик взлохматил свой непослушный вихор и сморщился, как от зубной боли.

– Не получится. Я теперь кустарь-одиночка без мотора. На прошлой неделе долбанул о стену. Был в состоянии анабиоза. Отобрали права.

– Ладно, пешком здоровее.

Некоторое время они шли молча. Алекс с удовольствием вдыхал воздух, пропитанный ароматом трав, горячей земли и чего-то давно забытого. Они вышли на взгорок, с которого открывался вид на дальний лес, дачный поселок, недостроенную церковь.

– Батюшка проворовался, деньги налево пустил. Лишили сана.

– Еще один храм Спаса...

– Слушай, мне вот какая мысль недавно пришла. Сколько попадалось изображений церквей, ни на одной не было дымохода. Как же они отапливались раньше, свечами, что ли?

– Странная мысль, никогда не думал об этом. Да и зачем это сейчас-то, после Потепления?

– Да так.

Друзья подошли к блоку приземистых строений, рядами тянувшихся по склону холма.

– А здесь, я так понимаю, твой гараж.

– Мой там, – Вик махнул рукой. – Здесь ребята должны быть, с кем машины делаем.

У одного из гаражей стоял расхристанный «Мозгвич» пегого цвета. Из его двери вынырнул человек с перебитым носом и в комбинезоне на одной лямке. Он оттирал руки какой-то ветошью.

– О, привет! Вот, знакомься, это – Сорока по кличке Безработица.

– Пузырь принес? – вместо приветствия ответил горбоносый, исподлобья вглядываясь в подошедших.

– Два! Откуда деньги? Вот друг приехал с Чумландии.

– Тем более... По такому поводу...

Они прошли внутрь гаража, большую часть которого занимал черный «Мерин» с белыми пятнами шпаклевки на капоте и крыльях. В самом углу, примостившись на доске, выполнявшей роль скамейки и полки для автомобильных премудростей, сидели еще двое.

– Слэв, – протягивая руку, произнес парень с глубоко посаженными глазами и серебристой щеточкой усов. Второй малый в брезентовой куртке и с грубо вылепленным лицом назвался Уром. На расстеленной газетке стояла почти опустошенная банка салата и несколько ломтей черного хлеба. Спиро пристроился на бортике открытого багажника, а Вику дали канистру из-под бензина. Закурили.

Алекс понимал, что придется, как ни крути, выпить. По-

этому, когда Сорока очередной раз намекнул о делах известных, Спиро без лишних слов достал тощий бумажник.

– Согласно законов гостеприимства.

После непродолжительной возни Безработице удалось завести своего пегого и через несколько минут на импровизированном столе появилась посуда с желтоватой жидкостью. Разговор оживился. Слэв оказался в каком-то смысле земляком, так как служил на Миндальном Востоке во флоте. Все, что было восточнее Новосербурского Воеводства, считалось Миндальным Востоком, включая и Чумландию. Сорока подначивал, Вик тоже не лез за словом в карман. Хаотичный разговор иногда прерывался предложениями поднять единственную рюмку, периодически заполняемую самогоном.

– Знаешь, почему Сороке дали кликуху Безработица? Потому что, где он появляется, работе конец.

– За что я уважаю его, сказать?

– А ты Библию читал, придурок?

– Ладно, умник. Напиши без ошибок слово «пульверизатор». Я его специально в энциклопедии выучил наизусть.

– А вот мерсы, например, что ты о них думаешь?

– А что о них думать? Враки это все, нет никаких мерсов. Вот он стоит, родимый, я о нем думаю, как хозяину побыстрей сдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.